

Ута Людвиг. Работы на бумаге. 1994.

- Нет, серьезно,- говорит она тихо. И зрчки увеличиваются.

Раньше с ними в одной комнате жила сумасшедшая старуха. Она за- была свой возраст. Напившись однажды, завещала им свою клюку и кота Гапона. По углам стола она втыкала ножи.

- Вообще, весело жили,- усмехается брат,- ядреная старушка была. Они хохочут, и я тоже не отстаю. Здесь вообще все как-то иначе, и мне это по нутру. Сидишь себе, ни в ком нет необходимости, сидишь, шумы разные слушаешь, далекие разговоры за стенами, жизнь идет, а ты смотришь в окно, как инвалид после очередной попытки суицида. Или как после болезни.

Напротив моих глаз интернат для одиноких детей. Утром их выводят на прогулку. По первому снегу. Воздух мягкий. Я различаю румянец на их щеках. Держась за руки, колонной по двое, бродят они по призрачному от первого снега саду. Потом останавливаются. Им разрешают поиграть, и они нерешительно разбредаются. Как кучи на снегу, трудно понять, кто мальчик, а кто девочка. Просто кучи на снегу. Куда их девают потом?...

Поверх рваных обоев я развесил свои трофеи, рисунки, вырезки из журналов. Портреты Мишимы и Клауса из "Ровесника". Квадрат картона с портретом спящей девушки. За портретом пара вороньих перьев заправлены по-индейски. Дерзко и отчаянно, девушка оценила бы.

Я пью один. Люди, выпив хотят общения, разговоров по душам и все такое... Прихлебываю водку с апельсиновым соком из старомодного местного бокала. Приятно пить на своим трудом заработанные деньги. Гонорар за фельетон об одном грузинском принце, который устал жить и отправился в притон, чтобы кутнуть напоследок, а там можно и застрелиться. Достоевщина получилась, с налетом романтизма. В этом очерке принц ел свежий виноград, отщипывая по одной яголке задумчиво. Конечно, никакой он не принц, обычный абрек, его взяли в этом борделе, а потом в КПЗ он и протокол не сумел прочитать. Чего только не фантазируешь, когда алкоголь и голодное брюхо.

Одиночное алкогольное плавание. За стеной Девочка-Медвежонок слушает "Реквием" Моцарта. Последнюю часть. Между музыкой и мною - стена. Как будто слышишь сквозь скорлупу, как пытается прорваться птенец, как он шевелится. Музыка и алкоголь. Перестаешь думать картинками и словами.

В этот момент обязательно ворвется кто-нибудь, и вот опять жизнь, приливно-отливная. Достойная жалости жизнь.

- Ни хуя себе, кайфуют на всю катушку,- слышу голос Сапोजка из прихожей. Он слегка под шафе.

- Привет алкашикам. Что пьем?- он вертит бутылку в руках, потом аккуратно ставит ее на табуретку.

- Холодрыга на улице,- говорит,- ноябрь какой-то антисемитский.

Встав с дивана, плещу ему в рюмку чистой водки. Ритуально осмотревшись, Калигула вытягивает спиртное. Приятно смотреть.

Через часок примерно мы выползли в ночь и еще загрузились бутылкой. Перед выходом в прихожей я долго шнуровал ботинки, в поисках равновесия опустившись на пол. Занимался важным серьезным делом и напелал: "Я сам себе и Небо и Луна, голая довольная Луна, долгая дорога бескайфовая..." И даже ни разу не сфальшивил.

Поднимаю голову, вижу глаза Девочки-Медвежонок. Она стоит, приоткрыв дверь своей светелки и смотрит. Просто смотрит, как я вяжу узлы и мурлычу. В клозете Сапोजок наконец отблевался.

- Созерцаешь? - сказал он, появившись легко и элегантно, Откуда, думаю, только силы берутся. Нам очень-очень стыдно и грустно, говорит Калигула. Девочка-Медвежонок молча исчезает, прикрывая медленно дверь. Вот так всегда и бывает, сказал Сапोजок и мы выпали в темноту ноября веселые и горячие. Потом, помню, я все смотрел куда-то вверх, видимо, искал небо, а потом все закрутилось. Так что неба я не уви-

дел...

Рикошета, как бильярдные шары о дома, мы двигались к Революционной. Там - цель наша. Спиртное и сигареты.

Снег растаял. Сапोजок сбился с дороги, буксует, и падает в заросли боярышника. И висит там. Возвращаюсь. В руки он не дается, как воробей трепыхается, вырывается и сопит. Э, погоди, ору, не уползай. На четвереньках, по локти в холодной грязи, молча, он уползает от света и дороги все дальше. Там собачья площадка.

Когда хватаю его за воротник, как ловят ре- бенка, и разворачиваю к себе, вижу: Калигула плачет. Без гримасы, только губы дрожат. Он абсолютно трезв.

- Отвяжись, оставь меня,- всхлипывает он и кричит,- ненавижу! Пусты, сука!

Отпускаю воротник. Он падает в черное меси- во. Шляпа повисла в кустах.

- Смешно, да?!- орет он,- ну, посмейся!

Стоит на коленях, по лицу стекает жидкая грязь. Сжав кулаки, Калигула начинает извивать- ся в танце. Его сводит судорога. Мои уши заби- ты его криком.

- Ненавижу! Слышите, я вас ненавижу! Все вы...

Он задыхается, всхлипывает.

- Легко быть праведником, а попробуйте-ка мучеником, слабо, а?! Веселым мучеником?! Хуй!

Его охватывает дрожь.

- Какие вы все... Жалко мне вас... Как жалко.

Закрыв лицо руками, он раскачивается. За эти несколько секунд, я замерз, как будто простоял тысячу лет. Достав сигарету, вставляю ее между его ладоней, чиркаю зажигалкой.

- Благодарю, мой юный друг. Весьма кстати...

Он с наслаждением закуривает. Ха, здорово я тебя, ухмыляется. Есть еще похер в похеровни- цах, не дождетесь от меня истерик. Не дожде- тесь. А теперь, отвернитесь инфант, я отолью.

Хотя можете и смотреть, это захватывающее и поучительное зрели- ще.

Он отворачивается и приговаривает: "Одиночество и старость - это, когда не можешь на улице отлить. Да еще когда отражение в унита- зе свое изучаешь. Там почему-то всегда вода остается, набегают, что- ли?.."

В этот "дом боли" мы вернулись под утро. Девочка-Медвежонок засмеялась, глядя на двух продрогших трезвых мужиков. Она поста- вила чай и накормила нас присмиривших, хлюпающих носами. По- завтракав, Сапोजок юркнул в свою-мою комнату. Пока я принимал душ. Девочка-Медвежонок ушла на работу.

Причесываясь в ванной, я вдруг увидел себя в зеркале. Стою и смотрю в глаза этому стареющему молодому человеку. Стало немно- го жутковато. Я увидел то, что никогда не умрет. Ни во мне, ни в ком. Это мелькнуло и опять вошло в меня. Отвернувшись от своего темного будущего, стоял в полумраке, пока не услышал веселый мат Сапोजка из комнаты.

Вошел, он сидит по-турецки, напротив - кот Гапон, внимательно слушающий этого шумного человека.

- Послушай, кот,- вещает Калигула, потрясая перед Гопоновым но- сом полотенцем,- зачем тебе эти суррогаты любви? Посмотри, сколь- ко вокруг кошек. Только выйди из этого склепа и они - твои. Иди, гори, живи полной жизнью!

Зевая, Гапон следил за летающим полотенцем.

Оставь в покое его блондинку, говорю, Гапон в гневе страшен.

- На, забирай, вафельную мэм,- бросает Сапोजок,- и что в ней та- кого?

Гапон, ухмыляясь, уходит. Его мятая возлюбленная во всю длину разлеглась на диване.

- Ну вот, бросил даму, нахал, и смылся.

Давай, говорю, поспим немного.

- Идея, отвечает,- ты где?

- На полу. А ты на диване.

- Ну нет. Теперь ты хозяин, а я гость. Гость спящий на полу.

Мы покурили и улеглись. Новый хозяин и его гость.

Не знаю, сколько я проспал, вдруг открываю глаза, а в ушах дикий крик Калигулы.

Он стоит посреди комнаты, качается из стороны в сторону, обняв себя за плечи. Голый он напоминает одного типа из анатомички.

"Представляешь, я забыл... Забыл! Мама вчера умерла! А я забыл." Он пулей одевается. Мы с Гапоном обалдели смотрим.

"Ох, бля,- бормочет он в прихожей,- ох, бля, мама родная..."

Выхожу, он сидит, привалившись к стене.

- Господи, я забыл! Как же теперь? Я один, как же дальше?

Он спрятал лицо в колени. Разве я этого хотел? Сколько вокруг лю- дей, сколько рядом были, и все впустую. Крикну сейчас, тысячи лиц повернутся, и ни одного из них я не захочу видеть больше секунды. Ни одного. И сам от них отвернусь. А скорее всего и никто не по- вернется. Он улыбается. "Вот такие дела" - добавляет.

Потом поднимает лицо и говорит, а слезы текут и текут: "Вот так и взрослоем по-настоящему. Вот так, юный друг."

Я прохожу на кухню, возвращаюсь с двумя сигаретами во рту, ему и себе. Он поворачивается ко мне, на лице светлая улыбка. Он при- нимает сигарету и, улыбаясь, не переставая светло улыбаться, гово- рит: "Ты знаешь, у меня приятель был, современный волшебник, модный в своем кругу, он мялся-мялся, а однажды и родил, дескать, мать меня прокляла, и поэтому все так, а не иначе."

Затянувшись, тихо и серьезно прибавляет: "Я принимаю, принимаю, принимаю. Я принимаю все..."